

А. В.
АМОИТЕАТРОВ

Амфитеатров А. В. Мертвые боги: Рассказы. Роман М.: Современник, 1991.-- (Из наследия). // ISBN: 5-270-01012-7 FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 1.3 UUID: FBD-14C282-BC92-9C43-EF97-BA3A-759C-70E96F PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Валентинович Амфитеатров

Прокопий (Бабы и дамы (1911))

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатовым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Из раздела «Русь»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0011
III.....	.0016
IV.....	.0022
Примечания.....	.0024

Прокопий

Жил-был в стародавние времена некий человек, по имени Прокопий.

Жил он в новгородской земле — в лесной глуши, на краю обширного болота. От леса к болоту падал невысокий глинистый яр; в яру Прокопий вырыл пещеру и укрылся в ней на подвиг.

Прошло десять лет, и во все десять лет Прокопий не видал человеческого лица. Людей на Руси было в то время не много, а лес окружал отшельника великий. Болотная топь была непроходима от ранней весны до поздней осени, зимою же хотя и можно бы перебежать на лыжах замерзшую трясику, да было некому — и незачем.

Тяжелы были зимы в лесу. Зверье донимало отшельника. Морозными ночами в яру и над яром выли тысячи голодных голосов, иногда таких ужасных и унылых, что Прокопий слушал и крестился, недоумевая: отощальные волки это стонут, или злобятся и неистовствуют нечистые духи дремучего леса, выживая из матери-пустыни его, смиренного слу-

жителя Вышнего Бога. Каждый вечер, чуть падали сумерки, Прокопий спешил задвинуть дверцу своей землянки тяжелыми засовами да еще приваливал к ней огромные камни и дубовые чурбаны. Потому что не раз, в то время как он, стоя на правиле, коленопреклоненный, в власянице и веригах, читал покаянный канон Андрея Критского, за стенами землянки фыркал, рычал и царапался в дверь матерый медведь. И Прокопий со вздохом оставлял четки, поднимался с рассыпанных перед аналоем мелких голышей, на которые, читая молитвы, становился он голыми коленами, и брал в руки топор или дубину.

Бес искушал Прокопия: пугал его воплем, дикими видениями, представлялся ему то змеем, то эфиопом. Не раз пустынный слышал, как леший хохотал и плескал руками над яром; не раз и видал, как он — головою вровень с высокими дубами — бродил по всему зеленому царству. Когда туман вставал от болота и расползлся по лесу, серебримый луною, из-под его прозрачной дымки улыбались пустыннику и сверкали на него изумрудными очами русалки — бледные девы с

молочным телом, зелеными волосами и томным взором изумрудных очей. Однажды бес явился к Прокопию, у самой землянки его, в самом пагубном своем виде — во образе красивой молодницы. Дьяволица притворялась, будто она вне себя от страха, стонала и плакала: грибов, вишь ты, вышла она искать с утра, да потеряла дорогу, леший ее обошел, куда идти не знает, — всюду лесище.

Но Прокопий прозрел дьявольское искушение, — перекрестился и ударом наотмашь столкнул бесовскую прелестницу с вершины яра в болото, где нечистый и утоп, застонав, как человек в беде смертной.

Еще больше, чем призраками и видениями, смущал Прокопия бес суетными мыслями. Иной раз отшельника начинало тянуть в мир. Воображение разгоралось огнем, и вот вставало в памяти Прокопия шумное новгородское вече, Волхов, Святая София, тысячи народа, брань, звон оружия, распаленные задором лица, гул набата, трупы, брошенные с высоких мостов в никогда не замерзающие волховские волны. Вставало в памяти и море, покрытое кораблями; пестрые вымпелы, пу-

затые паруса, кладовки, полные кадками с жемчугом, кипами парчи и аксамита. Припоминались буйные ушкуйничьи набеги молодых лет: Поволжье в пламени, кровь озером, вино рекою, пленные толстоногие мордовки и чувашенки в расшитых красною шерстью рубахах, невольничьи базары в басурманском Низовье... Память дразнила и соблазняла, душа тосковала, возмущалась, злобствовала, бунтовалась, воля слабела. Сомнения нападали. До того одолевал хитрый бес, что иногда Прокопий даже думал: «А что если молодица эта, которую я в трясину утопил, была не сатана, а и впрямь — живая молодица?»

И от мысли этой напал на него страх такой, что даже до трясения тела. Но подвижник знал, как надо бороться с опасными отголосками мирской суеты. Если стояло летнее время, он уходил в болото и отдавал свою плоть на съедение комарам и мошкам до тех пор, пока не умолкал голос плоти. Зимой же он открывал дверь своей кельи, ложился голым телом в сугроб, подставлял спину метели и морозу.

Летом Прокопий собирал грибы и ягоды и,

подобно векше, делал на зиму запасы орехов, желудей, сушеной кислицы. Хлеба он не имел и давно уже забыл вкус мяса. Не раз приходилось ему спорить с медведем за соты диких пчел. Воду Прокопий брал из болота. Вода была стоячая, ржавела в летние жары, и Прокопий болел от ее употребления. Зимой он утолял жажду талым снегом.

Как-то раз Прокопию случилось найти в лесу большое городище: широкий майдан, с валом, буграми, ямами. Посмотрел пустынный майдан, на деревья, которые его зарослили, и подумал: «Дубы в два обхвата, каждому сто, двести лет... а ведь вот — когда-то здесь жили люди!.. Теперь же даже памяти не осталось, кто они были, откуда пришли, что с ними случилось, — и люди думают, что этот лес — вековечный и что никогда не было в его дебрях человеческой ноги. Так пройдет когда-нибудь и Великий Новгород, и слава о нем тоже исчезнет из мира, лес оденет его развалины, земля их прикроет и затянет зеленым дерном. И вот на его кладбище, как и здесь, звери пустыни будут встречаться с дикими кошками и лешие будут перекликаться

один с другим; будет отдыхать ночное привидение, гнездиться летучий змей с детенышами, коршуны повьют гнезда... Придет на это запустение человек и тоже будет удивляться: что это за остатки такие? какого они народа, какого забытого стародавнего века?»

Подумал тоже Прокопий: «Там, где жили люди, должна быть хорошая вода».

И, сделав щуп из орешника, стал пытаться землю: воды не нашел, зато открыл клад — великую кучу золота и серебра в кожаном мехе. Нашел и оставил лежать в земле, потому что, считая золото и всякое богатство грехом и злом, не хотел к нему даже прикоснуться.

Зимним ранним утром Прокопий вышел из кельи, посмотрел на снег, испещренный следами зверей, и стал на молитву... Утро стояло ясное, морозное; с высоты яра далеко было видно по гладкому, как скатерть, болоту. И вот в его белой и блестящей, как серебро, дали показалась черная точка — стала расти и выросла в громадного человека, охотника, с луком и колчаном. Прямо на Прокопия бежал он на узорчатых лыжах...

Встретились они — и изумились оба до того, что как бы онемели: Прокопий удивился, что видит человека в глуши, куда десять лет никто не заглядывал, кроме медведей и леших, охотник изумился странному виду одичалого отшельника, его волосам и бороде, рубищу и веригам.

— Не бес ли ты? — спросил Прокрпий.

— Нет, — говорит охотник и перекрестился.

— Если не бес, так кто же ты и зачем пожаловал в мою пустыньку?

Говорит охотник:

— Зовут меня Мстиславом. Я князь на Торопце. А ныне призвала меня Святая София в Новгород чинить суд и расправу и оборонять ее от врагов... А попал я в твою пустыньку тем случаем, что вышел на звериный лов, промышляя сохатого, был в немалой кручине, задумался, да, за печалью и мыслями, и потерял тропу... Обступил меня бор и обошел леший; целые сутки блуждал я по чащам, пока не вышел к поляне и издали не зазрил тебя. Пропасть бы мне в лесу без покаяния, кабы не Божья милость да не теплый кожух...

Прокопий накормил, обогрел, успокоил князя, а когда тот поотдохнул, указал ему путь-дорогу, как выйти из леса. Говорил князь по пути:

— Хорошо тебе в пустыне, старче! Живешь ты в труде и молитве, со спокойной душой; Бог над тобою, ты под Богом — вот и весь твой ответ! Ни мир к тебе, ни ты к миру! А мы в миру как в котле кипим... Куда уж до святой жизни — хоть бы греха-то поменьше! Тянут нас суетные дела и заботы на адское дно, как гири, привязанные к ногам! И на том свете похвалы нам не будет, и на сем радость не ве-

лика!..

Прокопий ему на это сказал:

— Разве ты такой грешный человек?

— Не знаю, — возразил князь, — очень ли я грешный человек, а вот что я огорченный человек, это я знаю.

— Чем же ты огорчен?

— Тем, что я взял за себя Великий Новгород — тягу страшную, а силы мои слабы, и боюсь я, что не совладеть мне, не управить Святую Софию...

— Ты человек не старый, сильный и бодрый, — заметил Прокопий, — грех тебе унывать...

— Когда мне приходится бороться с силою человеческой, я и не унываю, — смиренно ответил князь, — выйди-ка, святой отец, из леса да послушай: по всей Руси идет слава, как я, во славу Святой Софии, разгромил суздальцев... А теперь забрался к нам враг без костей и мяса, — ничего с ним не поделаешь.

— Какой же это враг?

— Голод. По всей новгородской земле недоход. Хлеба нету; была война, — людишки поистратили животы; а после войны, известное

дело, ребят родится много... матери по селам воймя воют: сами сидят не евши, груди повысохли, — чем ребят кормить?..

— Это за грехи, — сказал Прокопий.

— Известно, за грехи, да все жаль...

— Терпеть надо.

— И это верно ты говоришь, а жаль... И мне, князю, горше всех: болеет мой народушко, пухнет, мрет, а гляди на эту напасть сложа руки! Я князь не богатый, — последнюю сорочку рад снять с себя и отдать своим огнищанам, но на сорочку много не искупишь и весь край не накормишь, а опричь сорочки что есть у меня? Я всю жизнь езжу по русской земле из края в край, из города в город, куда зовут меня, для суда и порядка... где уж было мне собирать казну? Сколько мог, поддержал новгородцев своим зажитком, только он в ихнюю беду канул как капля воды на пожар... а на большее нету моей силы...

В таких разговорах прошли они дремучий лес. На опушке Прокопий благословил князя и расстался с ним. Князь побежал на лыжах к людям, к жилью, а пустынник поплелся обратно в свою одинокую келью, в глушь, к зве-

рям и злым духам пустыни...

Прокопий был человек бывалый. В миру он много видел и пережил вместе с Господином Великим Новгородом: междоусобья, войны, моровую язву, несколько голодовок, — в те времена они были часты на Руси. Рассказал ему князь Мстислав про голодную беду, и вот застонало у него сердце от воспоминаний, и душа его стала беспокойна и не способна к тихой мысли, бесстрастию и молитве. Огляделся Прокопий в своей келье: бедно, убого, а все у него есть, — и грибы сушеные, и мед, и орехи, — с голоду нельзя пропасть! А там, за лесною опушкою, пропадают: князь говорит — болеет народушко, пухнет, помирает...

Раздумался Прокопий; все пуще и пуще — точно сумерками — окружали его сердобольные мысли печалью за новгородцев, и вскоре ему сделалось и стыдно, и нестерпимо сидеть в глуши, не разделяя участи своих погибающих земляков, не стараясь помочь им хоть добрым словом, коли нечем больше.

Подумал Прокопий: нечем больше, и вдруг память его прояснилась, и он вспомнил о кла-

де, который нашел он по весне на лесном городище.

Обрадовался Прокопий, достал из земли сокровище, наполнил золотом дорожную торбу и ушел из леса — искать в Новгороде князя Мстислава Торопецкого, чтобы заодно с ним порадеть родной земле в ее несчастье.

Князь Мстислав очень изумился, когда увидал перед собою Прокопия, растрогался его даром и поклонился ему до земли.

— Что я могу сделать для тебя в отплату за это?

— Ничего мне не надо. Прощай! — сказал Прокопий и хотел уйти, но Мстислав удержал его.

— Ты, святой человек, достоин великой чести, и худо будет мне, если я тебе не воздам ее перед всеми новгородскими людьми... Завтра, после обеда, я велю созвонить вече и буду кланяться тебе на твоём добре!

Прокопий возразил:

— Завтра великий праздник — Рождество Христа Спаса... Ему и кланяйся, а не мне, рабу, смердящему грехами. И молю тебя — пусть никто не узнает вовеки, зачем я был у тебя и

что тебе передал. Тайно пришел я в Новгород, тайно и уйду из него. Ты мирской человек и лучше меня употребишь это золото, покупая хлеб у иноземных купцов и наделяя им голодных, а я в пустыне буду молиться за тебя, как могу и верую...

Князь сказал:

— Отче, ты не хочешь остаться с нами?

— Не могу. Отвык я от мира: дико и жутко мне в нем. И я людям страшен, и мне люди страшны.

— Останься, по крайней мере, до завтра, чтобы встретить с нами великий праздник. Как проживешь ты такой день без божественной службы?

Прокопий омрачился и сказал:

— Знай, князь, что я великий грешник, и на мне лежит эпитимья... недостойн я стоять ниже на паперти Святой Софии.

И сколько ни останавливал его князь Мстислав, ушел. Когда он выходил из Новгорода, уже падали сумерки и гул колоколов возвещал во все концы города славу рождающегося Христа.

Прошло довольно времени, прежде чем

Прокопий, оставя за собой новгородские предместья, добрел до первого, после них, людского поселка — тихой придорожной деревушки. Прокопий устал и прозяб. Ночь лежала черная, как сажа: небо — без луны, с одними звездами, холодное и угрюмое. Прокопий не жалел, что глядя на ночь ушел из Новгорода от княжеской ласки, но невольно думал, что если не найдет себе скорого ночлега, то ночь грозит ему большой бедой, а пожалуй, и смертью: и мороз, и волк, и лютый человек страшнее и сильнее в ночную пору, чем при свете дня. Деревушка спала. Ни блески света не было в затянутых бычачьим пузырем отдушинах, заменявших черным избам окна. Прокопий стучался в избы, но напрасно.

— Конный или пеший? — спрашивали его не приветливые хозяева.

— Пеший.

— Как же случилось, что ты в такой день опозднил в дороге? — недоверчиво возражали ему, — должно быть, не с добром ты пришел к нам... ступай — постучись к соседям, а мы тебе не отворим.

Соседи спрашивали Прокопия:

— Что ты дашь нам, если мы пустим тебя на ночлег?

— У меня нет ничего, кроме рубища, что на мне надето.

— Значит, ты бродяга и нищий. Проходи. Мы сами нищие... нас и без тебя довольно в избе!

В других избах Прокопий не добился и такого ответа: хозяева спали крепким сном и не слышали стука и молений бесприютного путника. Высмотрев у одной избы высокое крыльцо с навесом, Прокопий решил переночевать под его ступеньками, чтобы хоть сколько-нибудь оградить себя от ночной стужи. Но под крыльцом, на соломе, спала громадная овчарка с щенятами. Она грозно зарычала на незваного гостя и, напав на Прокопия, лаяла на него, рвала его рубище, кусала его икры до тех пор, пока не прогнала его далеко от деревушки, в мрак и холод святочной ночи. Большая Медведица с семью яркими, точно прозрачными звездами своими указала Прокопию, что еще много часов будет царить над землею холодная, неприветная тьма и далеко, далеко до света. А мороз крепчал.

Ветер, тихий до полуночи, вырос и переменял направление: задул с севера.

— Пропаду! — решил Прокопий, — да будет воля Божия!

И он лег на стог, закрыл глаза и стал читать себе отходную...

IV

Когда Прокопий открыл глаза, небо, недавно еще такое темное и угрюмое, было полно блеска. На севере пылало огненное пятно, и, как лучи от солнца, бежали от него к зениту белые, красные, зеленые столбы. Небо, казалось, трепетало от их быстрого бега, гнулось под их бесконечными переливами. Лучи менялись в них, набегая друг на друга, как волны в море, такие же спешие, зыбкие, непостоянные. Хотелось думать, что там, где совершается это явление, небо так же грохочет и стонет под световым буруном, как воеет и ревет море, когда разгуляются в нем под ветром седые волны...

«Сполохи играют!» — подумал Прокопий, но в то время, как он посмотрел на небесное диво, ему почудилось, будто весь этот свет стал ближе к нему, будто столбы пламени, вращаясь, летят долу, с высоты зенита, как громадные огненные птицы, — и вот они уже близко, и уже слепят его своим сиянием, и ему тепло от них... жарко даже...

И то уже не столбы и не огненные птицы:

то врата — дивные врата, каких нету ни в Киве, ни в Новгородской Святой Софии. Некие светоносные мужи стоят во вратах и манят к себе Прокопия ласковыми очами, и кто-то, на незримых крылах, несет его к ним.

А там, за вратами, в пучине розовых лучей стоит Некто — не великий, не малый, но все наполняющий собою: солнце сияет над Его головой, звезды горят в Его очах, месяц плывет под Его стопами, и весь Он, таинственный, — любовь, жизнь и свет.

Все вокруг Него гремело хвалою, тьмы тем лиц, тьмы тем крыл купались в розовой пучине, тьмы тем голосов вопияли:

— Слава Тебе, показавшему нам свет!

И с воплем этим слился радостный вопль души, быстро полетевший к небу из тела, что — жалкое, темное, окоченелое — лежало и стыло на снегу у большой новгородской дороги...

Примечания

Рассказ написан в 1890 г., включен в сб. «Сон и явь» (раздел «Святой вечер»), «Мифы жизни» (раздел «Русь»).

Печатается по изд.: Амфитеатров А. В. Мифы жизни // Собр. соч.: Спб., 1911. Т. 10.

В основе рассказа — некоторые эпизоды жития св. Прокопия Устюжского (ум. в 1303 г.). Сын богатых родителей, прибыв в Новгород по торговым делам, пленился красотой храмов, постригся в иноки Хутыня монастыря и стал юродствовать; зимой, без одежды, претерпевая издевательства, дошел до Устюга Великого, где поселился в убогой хижине и стал обличать пороки, угрожая гневом Божьим.

Андрей Критский (ок. 660–740) — византийский церковный поэт, создатель жанра гимнографии — канона.

Аналой — в церкви специальная подставка, на которую кладутся богослужебные книги.

Святая София — главный собор в Новгороде.

де (1045–1050).

Аksamит (уст.) — бархат, дорогая шелковая ткань.

Басурманское Низовье — имеется в виду Астраханское ханство, расположенное в нижнем течении Волги.

Мстислав — речь идет о Мстиславе Мстиславовиче Торопецком, прозванном Удалым, ставшем новгородским князем в 1210 г.